

Байки про "Чайки"*

Байка в законе

Ни в одной стране мира нет такого количества анекдотов и баек, как в России. В самые бессмысленные времена диктаторов, застоев и ограничений на все — литературу, мысль, искусство — такая форма народного творчества оставалась, как открытая в душевной комнате форточка...

Современный анекдот всегда обезличен и безымян. Собственные имена — Иванов, Рабинович или Гиви — лишь синонимы фраз "один русский", "один еврей" или "один грузин". Байка, особенно театральная, отличается от анекдота тем, что имеет документальную основу, и автор ее во многих случаях — непосредственный участник событий. Событием может стать смешная оговорка на сцене, забавный случай из реальной жизни, произошедший с конкретным, живым человеком — автором или знакомым автора, или знакомым знакомого автора... Собственно, степень мифологизации событий и персонажей зависит только от количества рассказчиков, передававших эту историю...

Для меня первыми байками стали рассказы мамы. Как у них в деревне соседка Любца, тихая и покорная, успокаивала поутру мужа-алкоголика: "Петенка-Петечка, чего ж ты так разнервничался, что меня вчера аж лопатой побыв!".

А как в нашем одесском дворике тетя Софа кричала с балкона своему сыну: "Боречка, вы что опять диротесь?" — и сквозь детские визги доносился Боречкин голос: "Мы не диримся, это нас бьют!" — я помню из детства, и лишь потом, во взрослой жизни осознал, что это и есть байка.

В заглавие книги вынесена цитата из чеховской "Чайки". Уже не первую сотню лет отставной офицер и управляющий помещьем Шамраев, пытаясь показать актрисе Аркадиной свою любовь, близость и причастность к театру — в Елисаветграде он воевал знакомство с актером Суздальцевым! — рассказывает такую историю: трагик Измайлов, изображавший по роли заговорщика, должен был сказать: "Мы попали в западню", — но оговорился и произнес: "Мы попали в запендю"... Сегодня это классика театральной байки.

В каждом театре есть такое место, где сидят актеры и из уст в уста передают эти смешные случаи из жизни, которые для околотеатральных и просто любящих театр людей становятся байками. Мне повезло быть свидетелем и соучастником таких историй и еще больше слышать от очевидцев: студентом ГИТИСа я был вхож в театр Советской Армии, потом долго работал в "Современнике", на Таганке, уже семнадцать лет руковожу "Школой современной пьесы". Около 150 театральных баек и коротких рассказов, записанных в разные годы, вошли в эту книгу. Их герои — многие известные режиссеры, актеры, художники, писатели, политики и даже зрители.

*Главы из книги "Мы попали в запендю", которая выходит в московском издательстве "ЭКСМО"

Но поскольку сюжеты, имена и события в первоисточнике имеют документальную основу, мы приводим здесь энциклопедические ссылки, точность которых соотносится с реальностью, как виноград с вином.

Байка – незаконный жанр. Оказалось, что литературоведами он не признан.

Хотелось бы, чтобы это был жанр в законе.

И еще хотелось бы, чтобы в хмуром переполненном вагоне метро мрачный, потухший человек, едущий на утреннюю смену, лекцию или совещание, стиснутый со всех сторон полупроснувшимися согражданами, открыл эту книжку на любой странице, потому что в такой давке листать ее нельзя, и неожиданно для себя засмеялся...

Или хотя бы улыбнулся...

И. Р.

Финал "Чайки" в "Современнике"

Знаменитую финальную сцену "Чайки" Олег Николаевич Ефремов решил остро. Обычно Треплев стреляется за сценой, а все герои пьесы играют в лото и слышат лишь звук выстрела. Здесь же главного чеховского героя освещала луна, и на белую стену дома проецировалась тень человека, который приставляет к виску ружье и нажимает на курок. Это видят и сидящие на сцене актеры, и зрители. Пробирало до мурашек. Все последующие слова Дорна: "Так и есть, лопнула склянка с эфиром... уведите отсюда Ирину Николаевну... Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился", — становились зримыми и весомыми.

На одном из спектаклей партия в лото подходила к концу, все нужные реплики уже были сказаны, и актеры ждали, когда тень на белой стене совершит самоубийство, чтобы доктор Дорн, которого играл Евгений Евстигнеев, мог, наконец, сказать последнюю фразу и закончить спектакль. Пауза затянулась. Наконец, тень задвигалась, но при этом совершала непонятные конвульсивные движения, металась из стороны в сторону и никак не хотела стреляться. Это продолжалось долго, и актеры стали нервно заглядывать в кулисы, где находился Валентин Никулин, игравший Треплева. Он явно что-то искал, а когда заметил, что на него в нетерпении смотрят партнеры, громким театральным шепотом, растягивая слоги, произнес:

— Не могу найти ружье! Не могу застрелиться!

Евстигнеев тут же отпарировал еще более громким шепотом, так что его слова могли слышать не только актеры на сцене, но и зрители:

— Удавись, сука!

Как Дуров забыл заснуть

Самая частая причина пожаров — непотушенная сигарета.

Самая частая причина оговорок и конфузов на сцене — срочные вводы...

На гастролы в Воронеж не мог ехать Михаил Андреевич Глузский, игравший в "Чайке" Сорина. Вместо него роль Петра Николаевича попросили сыграть Льва Константиновича Дурова, который обычно играл доктора Дорна, а на место Дорна поставили Владимира Качана, который играл Тригорина, а Тригорина играл партнер и дублер Володи в этом спектакле, Володя Стеклов... В общем, всех пришлось поменять местами.

Ирина Алферова, которая привыкла приветствовать Владимира Качана репликой "Здравствуйте, Борис Алексеевич", увидела на сцене сразу двух Тригоринных и растерялась. Вместо реплики "Здравствуйте, Борис Алексеевич", обращенной к Стеклову, действующему Тригорину, она кинулась к Качану, но вовремя спохватилась и сказала:

— Здравствуйте... доктор...

А Лев Константинович, похоже, не успел перестроиться, и из его старика Сорина, который все время жалуется на плохое здоровье и сидит в инвалидном кресле, "выпирал" активный молодежавый доктор Дорн. Дуров размахивал руками, все время передвигался по сцене и говорил громко и уверенно.

В начале второго акта, где персонажи ведут оживленный диалог, а чеховский Сорин по сюжету дремлет в кресле и даже похрапывает, есть реплика Аркадиной: "Петруша! Ты спишь?" — Лев Константинович по привычке много передвигался, что-то напевал себе под нос и к моменту произнесения этих слов оказался далеко от своей инвалидной коляски, в противоположном углу сцены.

Алферова-Аркадина уже собиралась сказать текст, но обнаружила, что Сорин не то что не спит, а его вообще нет на месте. Повисла неловкая пауза. Артисты начали делать Дурову знаки и посылать красноречивые взгляды... Лев Константинович почуял неладное... и через мгновение одним прыжком перелетел через сцену, захрапел еще в воздухе и плюхнулся в кресло!

— Петруша, ты спишь? — с облегчением спросила Ирина Николаевна Аркадина.

— Нисколько, — с редкой убедительностью произнес чеховскую реплику только что приземлившийся Дуров.

Чехов дешевле...

Борис Акунин написал "Чайку" — любопытное детективное продолжение чеховской пьесы, в котором выясняется, что Треплев не застрелился, а убит, и доктор Дорн расследует преступление. В "Школе современной пьесы" спектакль по этому произведению знаменитого беллетриста уже несколько лет идет с огромным успехом, не только творческим, но и коммерческим — дорогие билеты идут нарасхват. Зрителям особенно нравится, что один состав актеров играет обе "Чайки", правда, чеховскую мы показываем в малом зале, а акунинскую — в большом. И на гастроли детектив Акунина мы возили в те же города, где до этого выступали с оригинальной пьесой, — так вокруг спектакля складывалась дополнительная история, подогревающая дополнительный интерес.

Однажды случилась самая что ни на есть прозаическая гастрольная "запендя": машина с декорациями застряла где-то в пути из Ростова в Москву. Что делать? В репертуаре стоит "Чайка" Акунина, проданы все билеты до единого, а играть без декораций нельзя. Ждали до последнего. Отменять спектакль безумно обидно — актеры на месте, зрители тоже... Решились на замену — попробуем сыграть в большом зале "Чайку" Чехова! Вся администрация театра вышла встречать зрителей и уговаривать их не сдавать билеты, а посмотреть замечательный спектакль с участием тех же двенадцати народных и заслуженных артистов, что были заявлены в афише "Чайки" Акунина. Одной паре средних лет наш администратор долго объясняла, почему заменили спектакль, как можно сдать билеты и насколько правильнее будет их не сдавать, а посмотреть сегодня классическую "Чайку". Те слушали и внутренне колебались, идти или нет. В конце концов мужчина почти сдался и обратился к своей спутнице:

— Ну что, пойдем?

Дама, похоже, была меньше склонна к компромиссам и наотрез отказалась:

— Чеховскую "Чайку" можно посмотреть в любом театре, и гораздо дешевле!

Оговорка

Каждый из персонажей акунинской "Чайки" имел свой весомый мотив "убить" Треплева. На этом строился детективный сюжет.

Сорин, например, очень переживал, что Константин Гаврилович стал нервным, раздражительным и, похоже, тронулся умом... — заболевание, которое выражалось в приступах жестокости по отношению к животным. Убил зачем-то из ружья петуха и старого пса Откатая. Добрый старик понимал, что не выдержит Костя больницы для душевнобольных, и, опасаясь худших последствий, решил прекратить мучения непонятого гения...

Артист Виктор Сергачев, который играл Сорина, был в этой роли трогателен и убедителен. Верилось, что любимого племянника он действительно убил из жалости. Особенно трогательно произносил Сергачев слова: "А вчера вдруг Костя подстрелил Откатая, старого доброго пса..."

Вдруг на одном из спектаклей Виктор Николаевич то ли текст подзабыл, то ли отвлекся, но получилась у него такая фраза:

— А вчера вдруг Костя подстрелил Негодяя...

И запнулся, явно не понимая, как и что объяснять дальше...

Артисты на сцене начали подсказывать — кто шептал: "Откатая, Откатая!", — кто потихоньку изображал собачий лай... Во всяком случае, Сергачев вспомнил, что речь идет о собаке, и исправил положение:

— А вчера вдруг Костя подстрелил Негодяя, старого кобеля...

Когда твою пьесу ставит Райхельгауз

Для моей первой книжки "Не верю" требовалось предисловие, и издательство настаивало, чтобы автором был какой-нибудь очень известный человек.

Я предложил обратиться к театральным — Сергею Юрскому, Льву Дурову, Татьяне Васильевой.

Или к писателю Борису Акунину, чью пьесу "Чайка" незадолго до премьеры книги выпустил наш театр.

Или к Анатолию Чубайсу.

Издатели ухватились за всех, решили провести тендер и напечатать лучшее.

Лучшим оказалось все — и эмоциональные строки Васильевой, и научнообразный опус Чубайса, и рифмованная проза Юрского, и ироничный пассаж Дурова.

А самым кратким был Акунин. Его предисловие уместилось в одну строку:

"Когда твою пьесу ставит Райхельгауз, чувствуешь себя немножко Чеховым".

Моя дочь Маша, ознакомившись с этим текстом, сказала:

— Если бы предисловие писал Чехов, оно звучало бы так: "Когда твою пьесу ставит Райхельгауз, чувствуешь себя Акуниным".

Хронометраж

Оперетта "Чайка" — самый большой спектакль, который я поставил в "Школе современной пьесы". На сцене двенадцать народных и заслуженных, хор, балет и оркестр. Спектакль получился легкий и веселый, как того требует жанр, но работа шла нервно и изнурительно.

То и дело выяснялись отношения и возникали мелкие ссоры: оркестр не видел дирижера и вступал не вовремя, балет вытанцовывал не из той кулисы, монтировщики забывали вертеть круг, и актеры неуклюже топтались на месте, все высказывали друг другу претензии и обижались... Помреж Эльвира Тедеева, всегда аккуратная, подтянутая, интеллигентная и в принципе не способная повысить голос, пыталась все уладить и всех примирить. Я сильно нервничал, потому что премьера неотвратимо приближалась, а прогнать спектакль без остановок не удавалось никак. Коротенькая сцена казалась вечностью, и я все время подгонял актеров, настаивая на темпе и динамике. Договорились, что первый акт должен идти не больше часа пятнадцати минут, но от репетиции к репетиции никак "не укладывались в норматив" — все время останавливались и что-то повторяли. В конце концов, прогон первого акта состоялся, хотя все равно не обошлось без накладок и вызванных этим пререканий и стычек. Как только отзвучал последний хор, я крикнул:

— Эльвира! Сколько шел первый акт?!

Она вышла на сцену и сказала спокойно и тихо:

— Без скандалов — час пятнадцать. Со скандалами — час тридцать пять.

Вера в собственное предназначение

В оперетте долго не сочинялся финал.

Константин Гаврилович по законам жанра не мог стреляться, а по сюжету — звучал выстрел. Наконец все выстроилось: после реминисценции лирического дуэта из первого акта Тригорину под воздействием нахлынувших чувств начинает слышаться голос Нины Заречной, он выбегает на середину сцены и видит... Аркадину, роль которой играла моя однокурсница Ирина Алферова. В руках у нее бокалы, и протягивая один из них Тригорину, Аркадина восклицает: "Будем играть и пить, пить и играть!". Все по тексту пьесы. Дальше за кулисами начинали "стрелять", и на сцену по очереди выходили все персонажи со своей версией происхождения вы-

стрелов. Последними появлялись Нина Заречная и Треплев, вынося бутылку шампанского и открывая ее с таким же "стреляющим" звуком.

На репетиции я стал объяснять задумку артистам. Всем понравилось. Получалась красивая мизансцена — все расступаются, пропуская вперед молодых героев, и поют финальный хор. Пробуем. Ирина Ивановна прочно стоит на своем месте в центре сцены, и Нине приходится неуклюже ее обходить.

— Разойдитесь в стороны, — кричу я из зала, — разойдитесь и пропустите Треплева и Заречную!

Пробуем еще раз, все расступаются — Ира стоит как вкопанная.

— Ира, отойди в сторону!

— Я? — удивляется Алферова.

— Ты, ты, Ира! Здесь должны стоять Нина и Костя. Когда они появятся из-за кулис, отойди в сторону!

— Я не могу отойти!

— Почему?

— Я центр!

СМЫСЛ НЕ МЕНЯЕТСЯ

Когда чеховскую "Чайку" репетировали перед гастролями во Франции, я раздумывал, не сделать ли спектакль короче, для чего пробовал с артистами "ужать" текст и не нарушить смысл. После нескольких неудачных попыток поступило предложение оставить только первую реплику и последнюю:

— Отчего вы всегда ходите в черном?

— Дело в том, что Константин Гаврилович застрелился!

Интервью

Спектакль "Уходил старик от старухи" показывали на гастролях в Таллинне. На сцене всего два актера — Мария Владимировна Миронова и Михаил Андреевич Глузский. Их узнавали и любили всюду — успех был обеспечен в любом городе, будь то Харьков, Алма-Ата или Тель-Авив. Шла репетиция, когда в зал вошла девушка, и с сильным акцентом, означавшим, что в школе она еще учила русский, но гражданство у нее — независимой Эстонской республики, спросила:

— Кто здесь госпожа... Рай-хель-гауз? — фамилию девушка прочла по бумажке. Я несколько растерялся. Зато не растерялась Мария Владимировна.

— Это я.
— Очень приятно. А я — корреспондент газеты "Вечерний Таллинн", — представилась девушка. — Меня попросили взять у вас интервью
— Я вся внимание, — вошла в роль Мария Владимировна. Корреспондентка приосанилась и включила диктофон.

— Скажите, вы — художественный руководитель этого театра. Каковы ваши творческие планы?

Я с трудом сдерживал смех. А Мария Владимировна смело продолжала:

— Мы — серьезный театр. А как вы знаете, всякий серьезный театр должен хоть раз за свою историю поставить "Гамлета". В ближайшее время мы как раз будем заняты этой пьесой.

— Очень хорошо. А кто будет ставить? Вы?

— Конечно. Я всегда мечтала поставить "Гамлета", — тут Мария Владимировна сделала паузу. — И сыграть.

Девушка нисколько не удивилась и невозмутимо, как будто в "Гамлете" для восьмидесятипятилетней Мироновой было на выбор с десятком подходящих ролей, спросила:

— Кого вы будете играть?

— Милочка, как вы думаете, кого я могу играть? — "рассердилась" Мария Владимировна. — Не Офелию же! Конечно, Полония!

Тут корреспондентка призадумалась. По крайней мере, сообразила, что Полоний — мужчина, и поспешила уточнить:

— А что вас так привлекает в образе Полония?

— В образе меня мало что привлекает. Зато очень привлекает звук падающего на сцене тела. Помните, как Гамлет шпагой пронзил Полония, который прятался за ковром? Это одна из ключевых сцен... И я клянусь, что буду репетировать до тех пор, пока у меня это не получится жизненно и правдоподобно...

Корреспондентка, наверно, торопилась на следующее интервью, потому что быстро выключила запись и стала прощаться.

— Спасибо большое, дорогая госпожа Райхельгауз! Я желаю вам больших успехов, и особенно в "Гамлете".

И ушла.

Мария Владимировна и Михаил Андреевич продолжили репетировать свои роли.

А я так и не знаю, вышел в Таллинне анонс нового спектакля "Школы современной пьесы" или нет.

Ромео и Джульетта

После Таллинна спектакль показывали в Риге, и жили мы в самом лучшем и самом закрытом санатории у самого Балтийского моря. Ранним утром я пошел прогуляться на пляж и увидел Глузского, который шел на встречу в смешных и нелепых длинных шортах или трусах.

— Михаил Андреевич, — обратился я к нему после того как мы обменялись приветствиями, — у вас такие "серьезные" шорты!

— А что вы думаете, сам-то я тоже уже не мальчик! Не Ромео!

И тут произошло чудо. Иначе я этого назвать не могу.

На балкон своего номера, выходящего к морю, вышла Мария Владимировна Миронова. Она была в длинной белой ночной сорочке и с распущенными волосами. Я увидел ее и "подколол" Глузского:

— Не скромничайте, Михаил Андреевич. Вот ваша Джульетта!

Глузский мгновенно среагировал, подбежал к балкону, сорвал веточку с какого-то цветущего куста и крикнул Марии Владимировне:

— Джульетта!

И они начали играть.

Не было возраста и прожитых лет. Была бесконечная юность и страсть. Они оба помнили текст от начала до конца, играли тонко, не без юмора, но по-настоящему, не уходя в пародию... Жаль, что эту сцену видел только один зритель — я. Зато с каким упоением я за ними наблюдал!

Сцену на балконе прервал доносящийся из-за поворота шум двигателя. На горизонте действительно появился мотоцикл с коляской, за рулем сидел высокий красивый молодой человек. Юный мотоциклист увидел нас, вежливо поздоровался и поинтересовался, не знаем ли мы, где живет госпожа Миронова.

— Вот она, — Михаил Андреевич показал рукой на балкон, где стояла его "Джульетта".

— У меня поручение к госпоже Мироновой от министра культуры Латвии, — и с этими словами он достал из мотоциклетной коляски огромный букет великолепных свежайших красных роз... Наверно, их было сто или больше... Мария Владимировна даже ахнула от неожиданности, но быстро воспользовалась ситуацией:

— Актер Глузский! Вы снимаетесь с роли! Вот мой Ромео!

Скрипач и трубач

В Израиле во время гастролей мы гуляли с Марией Владимировной по Яффе — старому району Тель-Авива. Там очень красиво: узкие мощеные улочки спускаются к морю, а первые этажи домов заняты всевозможными магазинчиками, лавочками и кафе. Правда, никуда зайти было нельзя, потому что начинался шабат, и все закрывалось.

Вдруг Миронова буквально прорвалась к одной из витрин. Там были выставлены изумительные глиняные фигурки еврейских музыкантов — они замерли в смешных танцевальных позах, наигрывая на дудочках и скрипочках.

— Иосиф, — сказала Мария Владимировна, ткнув пальцем в одну из фигурок, — я хочу купить этого еврея!

— Закрыто, шабат, — попытался я объяснить Мироновой.

— А ты постучи! — попросила она.

Я постучал в дверь. Конечно, никто не открыл.

— Ой, какой он хороший! — Миронова смотрела на фигурку не отрываясь.

Наутро мы улетали в Москву. Похоже, Мария Владимировна ради этого еврея готова была остаться в Израиле. Я постучал еще раз. Тишина.

Тут Миронова решила достучаться сама и так забарабанила в дверь, что через секунду из дома выглянули перепуганная израильянка и мальчик лет двенадцати. Мария Владимировна стала говорить громко и по буквам:

— Мы — артисты из Москвы. Завтра улетаем домой, — здесь она помахала руками, как будто крыльями, чтобы было понятнее. — Мне очень нужен этот еврей. Я его покупаю, — и она показала на витрину.

Как ни странно, израильянка поняла суть дела, и стала словами и жестами объяснять, что ни в коем случае нельзя — шабат, лавка закрыта. Миронова не останавливалась:

— Ну что шабат? Я знаю: шабат-шолом! А я из Москвы! И хочу вот этого, со скрипочкой!

И Мария Владимировна полезла в кошелек за деньгами. Видимо, женщина из лавки сообразила, что от нас непросто избавиться, и достала с витрины фигурку. Написала на бумажке цену.

— Не-е-ет, голубушка, это очень дорого! — покачала головой Миронова, и написала свою цену, примерно в два раза меньше.

Израильянка смотрела на Миронову в изумлении и жестами показы-

вала, что ни за что не уступит. Я понял, что пора вступать в торги. Кое-как объяснил хозяйке, что кроме скрипача мы покупаем еще трубача, и заплатил за обе фигурки.

В Москве у нас с Марией Владимировной возникла своеобразная игра. При каждой встрече она рассказывала:

— Ой, мой еврейчик! Как он играет на скрипочке! Это же чудо! Я с ним разговариваю, сейчас вот ушла — попрощалась... Мы так чудно беседуем! У меня ведь никого нет — только попугайчик Ромочка и этот еврейчик...

Я, в свою очередь, рассказывал что-нибудь про своего трубача, и так продолжалось полгода или год.

Однажды Мария Владимировна пришла в театр в необычайно дурном расположении духа.

— Что случилось? — спросил я.

— Иосиф, ты не представляешь, в какой я печали! Сегодня у меня до убирала женщина и разбила нашего скрипача! Вдребезги!

Миронова переживала так, как будто лишилась близкого человека. Я знал, что до выхода на сцену ее нужно непременно успокоить, и стал уговаривать:

— Мария Владимировна, не надо... Через полчаса спектакль, а вы так расстроены, так неутешны!

Тут она в момент оживилась и сказала:

— Меня можно утешить! Ваш же не разбился? Пусть он немножко поживет у меня.

Я даже не сразу не понял, что она имеет в виду. А когда понял, конечно же, пообещал принести ей своего еврея, и уже на следующий день трубача передали Мироновой.

Теперь при каждой встрече я спрашивал, как поживает мой музыкант, и она со счастливой улыбкой отвечала:

— Он так прижился! Ему очень хорошо. Он мне так сам и говорит: "Мария Владимировна, как у вас чудненько!".

Когда я робко пытался заикнуться, что мне фигурка тоже очень нравится, Миронова решительно протестовала:

— Что ты, ему просто чудесно живется. Он сыт, накормлен, так мило пикирует на своей дудочке, рассказывает всякие истории. Пусть еще поживет...

На один из спектаклей Мария Владимировна не пришла. В тот день она скончалась. Свою квартиру с богатейшей коллекцией антиквариата и произведений искусства она завещала Бахрушинскому музею. Ради любопытства я позвонил ей домой. Трубку взяла женщина и представилась музейным работником. Я поинтересовался судьбой глиняной фигурки

музыканта с дудочкой, рассказал всю историю и спросил, нельзя ли мне забрать ее на память о Марии Владимировне. Женщина ответила, что мой музыкант уже числится в музейной описи под № 2314.

Оплата почасовая

Женя Дворжецкий, Володя Стеклов и Михаил Андреевич Глузский вместе играли в спектаклях нашего театра и очень дружили, что не мешало им друг над другом подтрунивать и друг друга разыгрывать.

Однажды на гастролях в Омске нас поселили в центральной гостинице. Слух о том, что приехали артисты из Москвы, разнесся довольно быстро и, как часто это бывает, в номерах стали раздаваться телефонные звонки с навязчивыми предложениями за небольшую плату привести девочек. Зная, что Михаил Андреевич — человек высокоморальный и относится к подобным развлечениям резко отрицательно, Стеклов и Дворжецкий вызвали одну из девиц и стали ее инструктировать:

— В соседнем номере живет один знаменитый артист — очень большой любитель развлечься... Он немолод и очень искушен в этих делах, поэтому тебе надо сильно постараться, чтобы ему понравиться. Сколько ты берешь за час? Пятьдесят долларов? Вот если ты ему понравишься, то получишь еще пятьдесят сверху. А если пробудешь у него еще полчаса, то дадим еще пятьдесят. Идет?

Конечно же, девица согласилась и, чтобы понравиться знаменитому артисту, выставила напоказ все свои прелести и пошла в номер к Глузскому почти раздетая. Володя с Женей были абсолютно уверены, что Михаил Андреевич начнет смущаться, потом возмущаться, может, позовет их на помощь, и готовились к развитию грандиозного сюжета. Они убедились, что дверь номера открылась, девица вошла внутрь, и стали ждать. Прошло пятнадцать минут... тридцать... Девица не выходила. Сорок минут... Никакого шума в коридоре, тишина... Шутники занервничали — уже час, как знаменитый артист, "совесть русской культуры", держал у себя в номере провинциальную проститутку! Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда, а кроме того, они уже должны были выложить барышне сто долларов... И Глузский хорош! Что он там с ней делает?!!

Когда стрелка часов пошла на второй круг, Стеклов и Дворжецкий не выдержали и решили прекратить разврат. Ворвавшись в номер к Михаилу Андреевичу, друзья застыли от удивления: на кровати сидела барышня, завернутая в одеяло, и замороженно слушала, как народный артист СССР в концертном костюме и галстукe читал ей стихи.

Гришковец на иврите

Спектакль "Записки русского путешественника" по пьесе Гришковца где только не показывали, кажется, его видели зрители во всех городах нашей страны. Однажды мы добрались с ним до Калининграда — города, известного тем, что раньше в нем жил Эммануил Кант, а сейчас живет Евгений Гришковец. В спектакле участвуют два замечательных артиста, Владимир Стеклов и Альберт Филозов, а я все время нахожусь на сцене и играю режиссера, то есть сам себя.

Нас встретили в аэропорту и попросили срочно, даже не заезжая в гостиницу, поехать на радио, потому что там прямой эфир.

Конечно же, мы поехали и оказались в большом доме, где располагались местные радио- и телекомпании. Нас долго-долго вели по коридорам, навстречу попадались разные люди, которые за нашей спиной начинали радостно перешептываться: смотрите, Стеклов приехал... Наконец мы оказались в какой-то комнате, где за столом сидела женщина с сигаретой. Она бросилась навстречу, и буквально отодвинув в сторону Филозова и меня, стала пылко приветствовать Стеклова.

— Владимир Александрович, как мы все вас ждали! Вы наш самый дорогой артист! Вы наш космонавт! У вас съемка программы, я сейчас скажу редактору, что вы уже приехали!

С этими словами она исчезла. Через минуту в комнату вбежал молодой человек и, подхватив Стеклова под руку, потащил его к двери, а нам с Альбертом строго сказал:

— Ждите, вам на радио.

Мы в полном недоумении остались ждать. Прошло минут пятнадцать или двадцать. В комнату заглянула какая-то женщина и, посмотрев на нас в упор, сказала:

— И здесь никого нет!

Мы начали нервничать: может, о нас забыли? Может, здесь все ждали только Стеклова? Недоумение как-то незаметно переросло в чувство острого недовольства и досады.

И вот нас позвали в студию. Хозяиничал там довольно развязный парень, очевидно, диск-жокей. Он вел какую-то музыкальную программу для молодежи. Объявив в эфире очередную песню очередной популярной группы, парень выскочил в предбанник, где мы стояли, и сказал:

— Значит так, я Аркадий. Вы зачем из Москвы приехали, у вас что-

то связано с Гришковцом? Ваши фамилии как? Быстро говорите, песня кончается...

Не знаю почему, но я вдруг уверенно начал рассказывать:

— Моя фамилия Райхельгауз, я художник-иллюстратор. А это — Альберт Филозов. Он руководит крупным издательством в Москве. В Калининград мы приехали на презентацию собрания сочинений Евгения Гришковца в шести томах, которое только что вышло в переводе на иврит.

Здесь нужно заметить, что к тому времени у Гришковца вышла из печати лишь тоненькая книжечка с "Записками русского путешественника". О том, что его знаменитый земляк вообще что-то пишет, ди-джей Аркадий, видимо, не знал, и реагировал только на фамилию "Гришковец". Но уже через секунду его голос бодро вещал на всю Калининградскую область:

— Уважаемые слушатели! У нас в студии сегодня очень интересные гости из Москвы. Это руководитель издательства... э-э — какого?

— "Дрэклолиграф", — подсказал ему я.

— ...руководитель издательства "Дрэклолиграф" Альберт Филозов и художник-иллюстратор -э-э...

— Иосиф Рай-хель-гауз, — шепотом произнес мою фамилию по слогам Альберт Леонидович. И прибавил: — Фамилия китайская.

Я понял, что он включился в игру.

— ...Иосиф Рай-хель-гауз, — продолжал Аркадий. — Они приехали в наш город на презентацию шеститомника нашего земляка Евгения Гришковца. Мы уже знаем, что только что в Москве вышло собрание сочинений Гришковца в переводе на иностранный язык! Расскажите, пожалуйста, как это случилось?

Филозов без тени улыбки стал рассказывать:

— Вы знаете, мы брали произведения Гришковца, переводили их на иврит, а потом издавали. Получилось шесть томов. Иосиф сделал иллюстрации...

Аркадий сообразил, что пора переключиться на меня:

— А как вы иллюстрируете?

— Маслом.

— Каким маслом?

— Разным. Беру масло и иллюстрирую...

Бедный Аркадий попытался изобразить нечто вроде смеха и быстро произнес:

— Как жаль, что у нас кончилось эфирное время! Напоминаю, что

с нами в студии были гости из Москвы, Иосиф Рай-хель-гауз и Альберт Филозов. А сейчас песня группы...

Я не помню, какая группа звучала после нашего появления в эфире, но настроение заметно улучшилось. Мы еще долго ждали Стеклова в той самой комнатке, где сидела курящая женщина, и успели снова по-мрачнеть.

По дороге в гостиницу Стеклов чертыхался в адрес только что отснятой передачи, а мы рассказали ему историю с нашим интервью на радио, и Володя резюмировал:

— Счастливые, у вас хоть байка появилась, а у меня два часа убито впустую!

